

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

LOZNY L.R. PRESTATE SOCIETIES OF THE NORTH CENTRAL EUROPEAN PLAINS. 600–900 CE. N.Y.: Springer, 2013. 96 p. (Springer Briefs in Anthropology. Human Ecology)

ЛОЗНЫ Л.Р. ДОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ. Нью-Йорк: Спрингер, 2013. 96 с. (Серия: «Краткие издания Спрингера по археологии. Человеческая экология»)

Книга Лудомира Лозны, польского археолога, уже много лет работающего в Городском университете Нью-Йорка (City University of New York), представляет собой попытку реконструкции форм социально-политической организации раннесредневековых обществ северной части Центральноевропейской равнины в их исторической динамике. Благодаря продуманности и логической стройности изложения и аргументации автору удалось в небольшой по объему книге представить широкую концептуально обоснованную панораму трансформации общественного строя на территории современных Северо-Восточной Германии и Северо-Западной Польши в период от падения Западной Римской империи до сложения в изучаемом им регионе первых государств в конце I – начале II тысячелетия. Колоссальный массив археологических данных в основном «спрессован» в таблицы и отражен в диаграммах и гистограммах, сопровождающихся краткими, но содержательными комментариями в Главах 2 и 3. Концептуальный подход к их анализу представлен автором во вводной Главе 1 и служит основой для четких обобщений в последней, четвертой, главе, тогда как в Заключение в основном определяются перспективы дальнейших исследований. Свой анализ Л. Лозны основывает на нескольких методических и методологических основаниях, среди которых наиболее важными представляются следующие три.

Во-первых, при анализе данных по раннесредневековой Центральной Европе Л. Лозны широко использует современную этнографическую литературу по народам самых разных регионов планеты – субсахарской Африки, Юго-Восточной Азии, индейцам Северной Америки и т.д. В самом деле: этнограф имеет преимущество перед археологом в том, что он

видит своими глазами то, что археологу приходится мысленно воссоздавать, интерпретируя следы деятельности людей в прошлом. Традиция привлечения этнографических материалов к реконструкции общества более отдаленных эпох существует столько же времени, сколько социальная антропология существует как научная дисциплина, поскольку такой подход всецело отвечал общим теоретическим постулатам однолинейного эволюционизма первых поколений антропологов¹. Оставаясь преданным этой традиции, Л. Лозны, однако, избегает сомнительного для современной антропологии прямого уподобления обществ прошлого каким-либо этнографически известным социумам. Этнографические материалы он использует не для определения форм социально-политической организации обществ, изучаемых археологически, а для дополнительного обоснования своего общего теоретического подхода.

В частности, Л. Лозны обращается к примерам из этнографической литературы с целью показать, что кооперативное поведение (*cooperative behavior*), выражающееся в коллективном действии (*collective action*), характерно для многих обществ, т.к. оно способствует достижению и поддержанию благополучия всех членов социума. Теория коллективного действия, ныне становящаяся все более популярной в археологии², – второй важный концептуальный аспект исследования Л. Лозны. Главной проблемой, которую поставило перед ним использование теории коллективного действия, естественно, стала необходимость дать объяснение с ее позиций тому факту, что, хотя кооперативное поведение вполне самодостаточно для обеспечения благополучия небольших общинных социумов, многие из них трансформируются в сложные общества. Для таких обществ же логично предполагать, что нарастание социальной иерархизации и концентрация власти и богатств в руках избранных должно постепенно подрывать склонность людей к кооперативному поведению и понижать общественную роль коллективного действия. Л. Лозны было особенно важно решить эту проблему, потому что от этого принципиально зависел успех его исследования, т.к. в самом начале книги он открыто декларирует, что ее предмет – «подъем социальной сложности» (Р. 1). Также автор утверждает, что «тяга к коллективному действию не исчезла с нарастанием политической интеграции и возникновением иерархических структур, но была направлена на другие формы общинной деятельности...» (Р. 83–84).

¹ В частности, см.: *Lubbock J. Prehistoric Times, as Illustrated by Ancient Remains and the Manners and Customs of Modern Savages. L., 1865.* [Леббок Дж. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества. М., 2011].

² *Blanton R.E., Fargher L.F. Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. N.Y., 2008; Idem. Collective Action in the Evolution of Pre-Modern States // Social Evolution and History. 2009. Vol. 8. № 2. P. 133–166; Carballo D.M., Roscoe, P., Feinman G.M. Cooperation and Collective Action in the Cultural Evolution of Complex Societies // Journal of Archaeological Method and Theory. 2012. 28 July. P. 1–36.* [Электронный ресурс]: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10816-012-9147-2> (просмотрено 14.08.2013).

Чтобы разрешить противоречие, Л. Лозны прибег к теории сложности (синергетике), и она стала третьим краеугольным камнем его исследования. В использовании этой теории Л. Лозны также следует перспективным современным тенденциям в археологии³. В этом случае главным вызовом для автора было то, что сам феномен сложности понимается в антропологии (частью которой в американской науке считается археология) и синергетике принципиально по-разному⁴. В антропологии со времен эволюционистов XIX в.⁵ ее принято понимать как сложность структурную: из чем большего числа компонентов – иерархических уровней социально-политической интеграции – состоит общество, тем оно сложнее, независимо от того, как эти уровни (структурные компоненты целого) взаимодействуют друг с другом. В синергетике же сложность понимается как «устойчивое неравновесие». Для антропологов увеличение сложности связано с нарастанием стабильности, понимаемой как способность обществ предотвращать перспективу своего распада: «Изменение в направлении нарастания сложности протекает потому, что более сложная организация позволяет поддерживать в системе более высокий уровень внутренней стабильности»⁶. Для синергетиков же системы, которые отстоят от точки распада или хаоса дальше, рассматриваются как менее сложные: «...именно на грани хаоса могут иметь место наиболее сложные виды поведения – достаточно упорядоченные, чтобы обеспечивать стабильность, и в то же время полные гибкости и неожиданности. Именно это и есть то, что мы понимаем под сложностью»⁷.

Вполне естественно, что Л. Лозны использует понятия «сложное общество» и, соответственно, «простое общество» так, как это принято в его научной дисциплине. Здесь он может показаться даже чрезмерно традиционно мыслящим, так как фактически приравнивает социальную простоту к эгалитарности, а сложность – к иерархичности (Р. 3), что едва ли оправданно при современном уровне антропологического знания⁸. В то же время, как и в случае с теорией коллективного действия,

³ См., например: *Complex Systems and Archaeology* / Ed. by R.A. Bentley, H.D.G. Maschner. Salt Lake City, 2003; *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology* / Ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Aldershot, 2005; *Bentley R.A., Maschner H.D.G. Complexity Theory* // *Handbook of Archaeological Theories* / Ed. by R.A. Bentley, H.D.G. Maschner, C. Chippindale. Lanham, 2009. P. 245–270.

⁴ *Бондаренко Д.М.* Сложности со «сложностью»: гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 141–149.

⁵ *Claessen H.J.M.* Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000. P. 15.

⁶ *Scott J. P.* The Evolution of Social Systems. N.Y., 1989. P. 6.

⁷ *Kauffman S.* At Home in the Universe. The Search for Laws of Self-Organization and Complexity. N.Y., 1995. P. 87.

⁸ См.: *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы) // *Эволюция: проблемы и дискуссии* / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Марков, А.В. Коротаев. М., 2010. С. 120–159.

Л. Лозны концентрируется на использовании не антропологических по происхождению теорий не для «навешивания этикеток» на статичные социально-политические единицы в стиле «это племя, а это вождество», но для более эффективного изучения социальных процессов. В частности, основываясь на теории сложности, он утверждает, что «изменение культуры включает в себя определенный уровень случайности и проходит через стадию диссипации, которая возникает из нелинейных процессов в неравновесной системе (социальных группах)» (Р. 4). Этот постулат становится основанием для давней идеи автора о том, что переход к социальной сложности – не «необходимость», а лишь «вероятность»⁹. Социальный процесс видится ему как сложное взаимодействие факторов стабильности и изменений.

В итоге Л. Лозны убедительно показывает, что на самом деле противоречия между коллективным действием, выражающим общие цели и интересы, и социально-политической сложностью, в ходе нарастания которой «общественно признанные способы управления» проходят путь от «коллективных децентрализованных (*participatory polycentric*) до централизованных» (Р. 1), нет. В связи с этим Л. Лозны развивает идею о том, что к социально-политической сложности может приводить самоорганизация людей, столь необходимая для коллективного действия в простом обществе, в котором отсутствуют институализированные лидеры. Основываясь на многочисленных свидетельствах этнографов, он делает вывод, согласно которому, хотя в небольших простых обществах самоорганизация действительно происходит спонтанно, при переходе к сложному обществу «изменения в правилах кооперирования меняют межгрупповую социо-экономическую динамику и способствуют сложению новой структуры власти» (Р. 3). Следует подчеркнуть, что на протяжении всей книги ее автор выступает как последовательный сторонник взгляда на появление институтов сложного общества как по сути своей не принудительных, связанных с социальным насилием, но призванных обеспечивать всеобщее благополучие, основанных на договоре, или консенсусе, между управляемыми и управляющими¹⁰.

Итак, для Л. Лозны¹¹ социокультурная эволюция – не детерминированный процесс, и переход от простого общества к сложному никоим образом не предопределен. Однако в изучаемом им регионе – северной

⁹ *Lozny L.R. Social Complexity: Necessity or Chance? // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of International Conference / Ed. by D.M. Bondarenko, I.V. Sledzevski. Moscow, 2000. P. 79–80.*

¹⁰ См. также: *Lozny L.R. Cooperation or Competition? Is Collective Action a Viable Way to Build Sustainable Political Regimes? // Social Evolution and History. 2010. Vol. 9. No 2. P. 173–205.*

¹¹ И мы с ним в этом полностью согласны – см.: *Bondarenko D.M. Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow, 2006. P. 22–25; Bondarenko Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Указ. соч.*

части Центральноевропейской равнины – сложные общества сложились в середине I тыс. н.э. и развились вплоть до уровня государства к началу II тыс. Почему это случилось? И какие этапы прошел этот процесс? На эти вопросы рецензируемая книга призвана дать ответы.

Автор выделяет четыре фазы трансформации обществ севера Центральноевропейской равнины в Ранние Средние века: с 500-х годов н.э. до конца 600-х – начала 700-х, с конца 600-х до конца 700-х годов, конца 700-х до конца 800-х гг. и 900-х–1000-х годов. В то же время в его схеме две первые фазы образуют, так сказать, макрофазу – 500–700-е годов н.э., тогда как третья фаза описывается Л. Лозны как ключевой момент всего исторического периода, охватываемого книгой, как кульминация исследуемых в ней процессов. Понимание причин, по которым автор объединил две первые фазы в макрофазу, а третью фазу посчитал важнейшей, имеет большое значение для понимания общей концепции Л. Лозны, одним из очевидных достоинств которой является непротиворечивое, я бы даже сказал образцовое, сочетание процессуального и стадийно-типологического подходов, в наши дни нередко видящихся несовместимыми, причем первый представляется как «прогрессивный», а второй как «устаревший»¹².

Макрофаза включает в себя фазу 1, характеризовавшуюся сосуществованием на севере Центральноевропейской равнины множества простых обществ (населенных состоявшими из родственников общин независимых маленьких деревень) и фазу 2, для которой были типичны многочисленные независимые мелкие, но уже сложные (с одним уровнем надобщинной интеграции) общества с манориальной политической системой. Следовательно, сам факт появления социальной сложности для Л. Лозны важен (что отражает выделение фаз 1 и 2), но не в наибольшей степени. В то же время центральной для всего раннего Средневековья фазу 3 делает то, что на нее пришлось «первая общерегио-

¹² См. детальное обсуждение этого вопроса: *Carneiro R.L. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives, of Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok, 2000. P. 52–58* [*Карнейро Р.Л. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Линша М., 2000. С. 84–94*]; также см.: *Lewellen T.C. Political Anthropology. 2nd ed. Westport; London, 1992. P. 44; Wason P.K. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology // Alternative Pathways to Early State / Ed. by N.N. Kradin, V.A. Lynsha. Vladivostok, 1995. P. 25* [*Уосон П.В. Социальные типы и границы типологического мышления в археологии // Альтернативные пути к ранней государственности / отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Линша. Владивосток. С. 32*]; *Carneiro R.L. Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History. Boulder, 2003. P. 155–156; Testart A. Éléments de classification des sociétés. P., 2005. P. 8–11, 126; Bondarenko D.M. Op. cit. P. 14–19.*

нальная попытка политически унифицировать большую часть севера Центральноевропейской равнины» (Р. 75), даже несмотря на то что эта попытка не увенчалась образованием государства. Л. Лозны противопоставляет общества 500–700-х годов, основанные на кооперативном поведении, с «коллективной децентрализованной» моделью управления более позднему обществу с «ориентированной на лидера многоагентной политической организацией» (*leader-centered «multi-agent» political organization*), которую он называет «Торновской областью [межсоциумного] взаимодействия» (*the Tornow Interaction Sphere*).

Л. Лозны подчеркивает, что обширные данные по изменениям в моделях поселений «указывают на нарастание сложности территориального управления через централизацию власти и принятия решений» (Р. 43). В задачи автора не входило углубление в общие теоретические дискуссии; скорее, одной из его целей было внести в них вклад путем изложения и анализа материала по конкретным обществам. Л. Лозны действительно убедительно показывает, что в изучаемом им регионе усложнение обществ было связано с повышением степени политической централизации. Однако, оценивая его монографию в более широком контексте современного антропологического конкретного и теоретического знания, все же представляется допустимым обратить внимание на то, что автор мог бы кратко, но четко отметить, что такой путь усложнения общества – не единственный возможный, «естественный», как считалось еще не так давно. Децентрализованные социально-политические системы создают жизнеспособные альтернативы централизованным на всех уровнях общественной сложности, включая уровень государства¹³.

Вожжество не было исключением из правила¹⁴. Тем не менее, не являясь универсальной стадией социальной истории, каковым оно предстает в канонических неозволюционистских схемах¹⁵, оно, вопреки мнению некоторых ученых, не является и «археологическим заблуждением»¹⁶. В попытках дискредитировать вождество как реальную форму социально-политической организации легко увидеть составную часть

¹³ См., например: Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М., 2000; Раннее государство, его альтернативы и аналоги / отв. ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев. Волгоград, 2006; Alternativeness in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories / Ed. by D.M. Bondarenko, A.A. Nemirovskiy. Moscow, 2007; Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Указ. соч.

¹⁴ Grinin L.E., Korotayev A.V. Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity // Social Evolution and History. 2011. Vol. 10. No 1. P. 276–335.

¹⁵ В частности, см.: Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. 2nd ed. N.Y., 1971; Idem. Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975.

¹⁶ Pauketat T.R. Chiefdoms and Other Archaeological Delusions. Lanham, 2007.

упомянутой выше дискуссии о процессах и стадиях, спровоцированной неудовлетворенностью современных ученых неоправданной жесткостью однолинейных эволюционистских схем. В частности, Л. Лозны показывает, что социально-политическая система Торновской области взаимодействия, ключевой в социальной истории севера Центрально-европейской равнины в раннее Средневековье, вполне подходит под наиболее широко распространенное определение вождества как «автономной политической единицы, объединяющей несколько деревень или общин под постоянным контролем верховного вождя»¹⁷.

Вклад книги Л. Лозны в теоретическую дискуссию в данном случае заключается в том, что ее автор, с одной стороны, не отрицает историческую реальность вождества как типа социально-политической организации, но, с другой – и не возводит его в ранг эволюционной стадии. Он описывает вождество Торновской области взаимодействия как «общерегionalную, многоагентную политическую сеть» (*a region-wide, multi-agent political network*) (Р. 81), а далее поясняет, что «термин многоагентная организация обозначает общество определенного уровня социальной сложности. Это не [обязательная] стадия эволюции политической организации, поскольку эта организация возникает при таких [особых] условиях, как потребность в создании военного альянса в ответ на специфическое давление. Когда угроза исчезает, структура распадается. Таким образом, многоагентная организация – это недолговечная диссипативная структура часто военная по характеру...» (Р. 86). Эта характеристика соответствует ныне преобладающему взгляду на вождество как по самой своей природе хрупкую социально-политическую систему, для которой последующая трансформация в государство гораздо менее типична, нежели распад¹⁸. Важно отметить, что это положение уже находило подтверждение на материалах по раннесредневековой Польше¹⁹.

Л. Лозны объясняет подъем вождества Торновской области взаимодействия хорошо прослеживающейся археологически интенсификацией военной активности и появлением военных лидеров в ситуации увеличения плотности населения и политической стесненности (*political circumscription*). Лидеры иерархического общества Торновской области взаимодействия принципиально отличались от своих предшественни-

¹⁷ Carneiro R.L. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Ed. by G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 45.

¹⁸ См., например: Earle T.K. The Evolution of Chieftdoms // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology / Ed. by T.K. Earle. Cambridge etc., 1991. P. 1–15; Anderson D.G. The Role of Cahokia in the Evolution of Southeastern Mississippian Society // Cahokia Domination and Ideology in the Mississippian World / Ed. by T.R. Pauketat, T.E. Emerson. Lincoln; London, 1997. P. 248–268.

¹⁹ Tymowski M. Tribal Organizations in Pre-state Poland (9th and 10th Centuries) in the Light of Anthropological Theories of Segmentary System and Chieftdom // Acta Poloniae Historica. 2009. Vol. 99. No 1. P. 5–37.

ков – глав сегментарных децентрализованных социумов фазы 2. В то время как лидер манориальной политики полагался на свою харизму и поддержку родственников, власть главы вожества была институализирована и изначально основывалась на военной мощи. Причем уже вскоре власть вождей обрела и другие источники – экономические (вследствие узурпации ими контроля над торговлей на дальние расстояния, о которой свидетельствуют находки арабских монет того времени) и идеологические. По мнению автора, именно правители Торновской области взаимодействия упоминаются в письменных источниках, в частности, византийских: главы более низкого уровня, управлявшие небольшими владениями, именуются в них «приматами», «архонтами», «этнархами», «филархами» и «гегемонами», а титулованные лидеры более крупных политических образований – «царями» (*reges*). Тем не менее описание Л. Лозны (например, отмечаемое им отсутствие свидетельств наследования власти) заставляет полагать, что степень внутренней интеграции вожества Торновской области взаимодействия действительно была довольно низкой. Сам его появление, существование и распад в самом деле в гораздо большей мере выглядят результатом стечения исторических обстоятельств, чем предшествующего внутреннего общественного развития.

Смена макропериода 500–700-х годов фазой поздних 700–800-х годов изображается Л. Лозны как переход от сегментарной социальной организации и коллективного децентрализованного управления (таким образом оказывающегося присущим и простым, и мелкомасштабным сложным обществам) к иерархической социальной организации и политической модели, основной на централизованном принятии решений. Согласно автору, появление социальной сложности (в рассматриваемом им конкретном случае – переход от фазы 1 к фазе 2) вполне возможно в результате самоорганизации членов общества для осуществления коллективного действия во имя достижения общих целей. Л. Лозны особо подчеркивает, что, рассматривая экономическое и политическое положение на севере Центральноевропейской равнины после падения Западной Римской империи, он отступает от традиционного для европейских ученых представления о том, что в это время сообщества людей хаотично перемещались с места на место, перенося с собой свои культуры, и оседали в определенных, преимущественно слабозаселенных, регионах. Напротив, люди в ту эпоху видятся ему «самоорганизующимися в трудные времена, вступающими в контакт с другими [людьми], обменивающимися идеями, адаптирующимися к новым условиям, реагируя на разного рода давление» (Р. 69). Однако последующее, вплоть до образования государства, усложнение социально-политической организации на прежней основе оказывается весьма проблематичным, поскольку в уже не столь мелкомасштабном обществе все более трудновыполнимыми становятся задачи эффективной самоорганизации и сохранения жизненно важных ресурсов в общем распоряжении.

И все же, как отмечалось выше, Л. Лозны настаивает на консенсусной, а не насильственной природе процесса социального усложнения вплоть до появления государства. Как он утверждает, в итоге в эпоху, рассматриваемую в книге, «эти общества разработали, приняли и поддерживали механизмы кооперации, при которых те, кто их использовал, стали взаимозависимыми, желающими и могущими поддерживать сети общения и институциональное развитие, и создали экономические условия для существования устойчивых сложных политических режимов» (Р. 2). Что же в таком случае заставляло людей продолжать стремиться к кооперации и находить способы кооперирования во все более усложняющемся социально и разрастающемся демографически обществе? Л. Лозны видит важнейшую причину в уже упоминавшейся политической стесненности – давлении могущественных соседей: Великой Моравии, норманнов и в особенности империи Каролингов. Последняя способствовала и самому превращению обществ севера Центральноевропейской равнины из простых в сложные (т.е. переходу от фазы 1 к фазе 2), также прямо связанному с распадом Западной Римской империи.

Политическая стесненность сыграла кардинальную роль и в переходе к фазе 3 – от множества независимых политий с коллективной децентрализованной системой управления к Торновской области взаимодействия с многоагентной политической организацией. Основываясь на данных археологии, Л. Лозны характеризует север Центральноевропейской равнины в конце 700-х–800-е годы как возникшую вследствие экспансии империи Каролингов на север и восток «прямо или опосредованно контролировавшуюся Каролингами буферную зону, оберегавшую Империю от викингов и их влияния с севера» (Р. 88). При этом Л. Лозны считает не решенным окончательно вопрос о характере подчинения Торновской области взаимодействия Каролингам, хотя и отдает предпочтение одной из гипотез: «...две возможности кажутся правдоподобными: (1) Торновская область взаимодействия была попыткой мирного установления франкской власти (бюрократии) в регионе посредством политической и экономической экспансии, или (2) Это было враждебное поглощение территории, попытка колонизовать регион путем создания сети военных форпостов, буферной зоны между Империей и норманнами, которые проникли в балтийский регион и контролировали побережье севера Восточноевропейской равнины. На данный момент, – пишет автор, – я склоняюсь ко второму варианту» (Р. 41). Так или иначе, отношения Торновской области взаимодействия с державой Каролингов основывались на политических и экономических связях.

Согласно Л. Лозны, крушение империи Каролингов также оказало прямое и весомое влияние на ход социально-политической истории севера Центральноевропейской равнины. Уже Верденский договор 843 г. имел одним из последствий существенное ограничение возможностей Империи влиять на народы на ее восточной окраине. Окончательный же крах этой державы после 887 г. находит прямые археологические

параллели на севере Центральноевропейской равнины: Торновская область взаимодействия распадается в то же самое время. В то же время исчезновение империи Каролингов спровоцировало формирование на месте Торновской области взаимодействия множества более сложных – с двумя уровнями надобщинной интеграции – обществ в ситуации, когда мощное давление извне прекратилось (переход от фазы 3 к фазе 4). Таким образом, оказывается, что все переходы от фазы к фазе, т.е. качественные изменения социально-политической организации, были в определяющей степени вызваны внешним фактором, изменениями в его характере и силе проявления.

Л. Лозны скрупулезно реконструирует формы социально-политической организации и системы управления и лидерства в каждой фазе. Сочетание в равной мере тщательного и глубокого диахронного и синхронного анализа свидетельств изменений в материальной культуре и типах поселений (Главы 2 и 3) послужило основой для создания им общей модели, или схемы, социальной динамики на севере Центральноевропейской равнины в Ранние Средние века, представленной в Главе 4. Эта глава является завершающей труд в том смысле, что в ней обобщаются его результаты, тогда как в Заключение в основном определяются перспективы и направления дальнейших исследований.

Общая динамическая модель, предлагаемая Л. Лозны, может быть изложена следующим образом. Ранняя послеримская фаза 1 (с 500-х до конца 600-х – начала 700-х годы) была периодом независимых простых (т.е. не имевших возвышавшихся над ними политических институтов) обществ – деревень, населенных группами родственников с децентрализованной системой управления. Фаза 2 (конец 600-х–700-е годы) характеризовалась переходом к социальной сложности: общества того времени оставались мелкомасштабными, но стали все же крупнее и уже имели надлокальные политические институты – деревни подчинялись укрепленным поселениям в рамках манориальной политической системы. Фаза 3 (конец 700-х–800-е годы) ознаменовалась переходом от сегментарной к иерархической сложности и первой попыткой объединения многочисленных мелкомасштабных обществ региона. Возникшее в результате политическое образование не оказалось прочно интегрированным и тем более не переросло в государство. Это была Торновская область взаимодействия – многоагентная политическая организация, при которой по-прежнему существовал лишь один уровень надлокальной интеграции, так как она включала в себя сеть объединенных в ее пределах укрепленных поселений (фортов). Будучи довольно рыхлым образованием, Торновская область взаимодействия все же явилась шагом вперед в процессах политической централизации и социо-культурной интеграции в регионе. Однако кризис и в итоге развал империи Каролингов в IX в. привел к упадку и дезинтеграции Торновской области взаимодействия и наступлению фазы 4 (конец 900-х–1000-е годы), когда, с одной стороны, сеть социально-политических единиц, образовывав-

ших Торновскую область взаимодействия, оказалась разорванной, но, с другой – каждое отдельное политическое образование, поднявшееся на ее руинах, было более сложным и централизованным – имеющим не один, а два уровня надлокальной социально-политической сложности. Это были протогорода, представлявшие собой мощные форты и примыкавшие к ним слабоукрепленные или вообще неукрепленные деревни. В социально политическом отношении же это были протогосударства, чьи попытки централизации власти в регионе открыли новый период укрупнения политий, причем теперь уже не на столь зыбкой основе, как во времена Торновской области взаимодействия. Итогом же этого процесса в XI в. стало образование в Великой Польше государства.

Путь социально-политической истории севера Восточноевропейской равнины в раннее Средневековье от «коллективной децентрализованной организации управления» через «манориальную организацию» и «многоагентную политическую организацию» к «предгосударственному уровню сложности» особенно интересен. Ведь, с одной стороны, он демонстрирует неизменное нарастание сложности от фазы к фазе, притом, что, с друго – он также включает в себе осцилляцию интеграционных и дезинтеграционных тенденций на уровне региона: доминирование первых, проявившееся при переходе от фазы 2 к фазе 3, сменилось усилением вторых, когда на смену фазе 3 приходила фаза 4. Этот дуализм социо-исторического процесса в рассматриваемом в рецензируемой книге регионе заслуживает и теоретического осмысления.

Действительно, труд Лудомира Лозны и аккумулирует новое знание, и открывает перспективы исследований на будущее. Не вызывает сомнений, что эта книга займет достойное место на полках и рабочих столах как медиевистов, так и археологов, социальных антропологов, историков, занимающихся общими вопросами исторической динамики социально-политической организации.

Д.М. Бондаренко